

УДК 398(511+497.11
doi 10.17072/2073-6681-2021-4-52-62

Образы непогоды в народной мифологии Азии и Европы (на материале китайской и сербской традиций)

Лю Ху

аспирант отдела этнолингвистики и фольклора

Институт славяноведения Российской академии наук

119991, Россия, г. Москва, Ленинский просп., 32-А. liu.hu@mail.ru

SPIN-код: 4545-4837

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1662-098X>

ResearcherID: AAJ-8387-2021

Статья поступила в редакцию 26.03.2021

Одобрена после рецензирования 08.09.2021

Принята к публикации 29.09.2021

Информация для цитирования

Лю Ху. Образы непогоды в народной мифологии Азии и Европы (на материале китайской и сербской традиций) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 4. С. 52–62. doi 10.17072/2073-6681-2021-4-52-62

Аннотация. Статья посвящена мифологическим образам, объясняющим такие явления непогоды, как засуха, град, вихрь, гром и молния. В народной мифологии разных народов большое внимание уделено неблагоприятным погодным явлениям, что отражает понимание природы человеком. В китайской провинции Шаньдун создавались многочисленные произведения фольклора, богатого народными метеорологическими мифологическими мотивами и образами. Рассматриваемые в статье образы непогоды в провинции Шаньдун основаны на китайских источниках по древней мифологии и фольклору. Народная культура Сербии аккумулировала в себе верования различных этнических групп на Балканах, сохранялись крепкие связи с примыкающими народными традициями. Проанализированы типологические сходства и различия в народных представлениях о неблагоприятных погодных явлениях китайской провинции Шаньдун и Сербии. Исследованы этимология наименований, мифы и легенды, связанные с образами «непогоды». Обозначена связь с локальными ритуалами, обычаями и обрядами провинции Шаньдун и Сербии. Исследование опирается на методы московской этнолингвистической школы и материалы этнолингвистического словаря «Славянские древности». Рассмотрена изофункциональность мифологии неблагоприятных погодных явлений у китайского и сербского народов. В результате выявлены языковые и экстралингвистические факты, отразившиеся в общих и индивидуальных чертах. Цель данного исследования – дополнить культурно-языковую картину метеорологических явлений посредством привлечения данных двух неродственных культур на уровне мифологической памяти.

Ключевые слова: непогода; мифология; этнолингвистика; провинция Шаньдун; Сербия.

Введение

В XIX в. появилась известная работа по мифологии – трехтомная монография А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» (1865–1869 гг.). Он собирал и систематизировал многие данные у славян о мифологии природных явлений. Кроме того, «столь же

многочисленны обращения А. Н. Афанасьева к лексике неславянских языков – индоевропейских (древнеиндийского, иранских, армянского, греческого, албанского, латинского, кельтских, германских балтийских) и неиндоевропейских» [Журавлев 2005: 9]. В своей книге ученый не привлекает материалы китайского (азиатского)

фольклора, который, однако, также богат сходными мифологическими верованиями о природе и погодных явлениях. А. Н. Афанасьев положил начало сопоставительному изучению славянской и неславянской народной мифологии (см.: [Афанасьев 1994]); позже произошло переосмысление его идей на базе новейших достижений ученых в области сопоставительного языкознания, фольклора и этнографии.

Теоретические принципы анализа в предлагаемой статье базируются на постулатах московской этнолингвистической школы. Этнолингвистика направлена на реконструкцию народной духовной культуры, при этом используются многие лингвистические понятия и подходы. Язык для выражения особенностей проявления стихии предстает как знак, отражающий культурный смысл природных явлений у разных народов. «Явление синонимии соотносится с явлением изофункциональности (соответственно способности разных языков выступать в одной и той же ритуальной, магической функции и в одинаковых контекстах)» [Толстая 2010: 15–16].

В XX в. в работах московской этнолингвистической школы метеорологическая тема предстает важной частью славянской мифологии ([см.: [Толстая 2004: 248–252]). Н. И. Толстой и С. М. Толстая изучали обряды вызывания дождя и другие магические ритуалы, опираясь на материалы, собранные в экспедициях на территории Полесья и Балкан (см.: [Толстой 2003])¹. Согласно исследованиям ученых, обряд вызывания дождя объясняется спецификой «мифологического представления о природе дождя и засухи» [Толстой, Толстая 1978: 377]. Исследования мифологических образов непогоды и различных аспектов народной метеорологии можно найти в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» (в частности, в содержании словарных статей *Засуха*, *Дождь*, *Град*, *Гром*, *Молния*) (см.: [Толстой 1995: 535–537, 558–560]; [Толстая 1999: 105–111, 275–276]; [Белова 2004: 280–282]).

Исследования А. А. Плотниковой направлены на изучение понятий, связанных с мифологией и отражающих народную культуру в балканском географическом ареале. В ряде статей ученого представлен анализ воздушных стихий, атмосферных и небесных явлений с точки зрения мифологии балканских славян. «Соответственно сербское культурно-лингвистическое пространство попадает в этот своего рода “слоеный пирог”, имея крепкие связи со всеми прилегающими народными традициями – болгарской, черногорской, боснийской, герцеговинской и т. д.» [Плотникова 2020: 16].

Наша статья направлена на изучение изоморфности и типологических сходств и различий в китайской культуре провинции Шаньдун и южнославянской традиции (на примере сербского материала).

В народной мифологии и Китая, и Сербии плохая погода чаще всего считается следствием действий типологически схожих мифологических персонажей. Например, когда в течение года случаются засухи, жители в Шаньдуне полагают, что «больше пяти драконов контролируют воду». Другими словами, когда несколько драконов совместно управляют погодой, они перекладывают ответственность друг на друга, что и приводит к засухе. Непогода (засуха, град, гром, молния) в Сербии также часто ассоциируется со змеями-драконами *ала* или *ламия*. В восточной и западной Сербии известен сюжет о борьбе защитника земельных угодий с демоном непогоды, которая, в свою очередь, считалась внешним проявлением и результатом противостояния воздушных демонов (см.: [Плотникова 1998: 158–169]). Мифологические сюжеты, связанные с непогодой, в изучаемых регионах помимо сходств имеют и некоторые различия. Психология народов отражает национальные особенности видения мира подобно тому, как психология личности изучает не только общечеловеческие законы душевной жизни, но и их разнообразие [Потебня 1892: 48].

1. Засуха

Засуха в народной мифологии провинции Шаньдун считается следствием действия *ханьба* (旱魃, ‘демон засухи’), при этом *хань* 旱 означает засуху, а *ба* 魃 включает комплексное значение ‘демон засухи’, поэтому персонаж может называться и кратко: *ба*. Считается, что для того чтобы остановить засуху, необходимо этого демона поймать и уничтожить. В результате существует много ритуалов, направленных на борьбу с демоном *ханьба*.

Происхождение женского демона *ханьба* зафиксировано в древнейшем сборнике поэзии «Шицзин» (примерно в середине 6 в. до н. э.): «Засуха разрушительна, травы на горе сухие, вода в реке высыхает. *Ханьба* причиняет вред, человек переживает, как на пытке огнём» [Чэнь Цзе 2002: 449] (перевод наш. – Л. Х.). Ее также называют *нюйба* (букв. ‘женский демон засухи’). Легенда гласит, что изначально она была помощницей в борьбе с врагом – так записано в древней книге «Шан Хай Ицзин». В то время Император Хуанди сражался с противником Чию. Чию пригласил мастера, который устроил

бурю, а Хуанди пригласил женщину *ба*, чтобы остановить ветер и дождь. В конце концов, Хуанди победил Чию и убил его. С тех пор *ба* жила на земле. Ее основная характеристика: там, где она живет, нет дождя [Ван Сюэдянь 2007: 249]. Считается, что в *ханьба* может превратиться покойник. Если умершие еще не захоронены или были похоронены неправильно, то их трупы могут превращаться в *ханьба*, т. е. в ходячего покойника.

На разных территориях провинции Шаньдун существует много версий легенды о демоне *ханьба*. В центральных районах *ханьба* осознается как чудовище. Она невысокого роста, нагая, быстро летит. В любом месте, которое она посетит, наступит продолжительная засуха. Но когда *ханьба* поймают и убьют, засуха будет устранена. В древние времена *ханьба* представляла в образе чудовища на одной ноге со спутанными волосами. Существовало поверье, что если поймать *ханьба* и сжечь, то засуха быстро пройдет [Юань Мэй, Лу Хаймин 2012: 215]. Во время ритуальной церемонии «замаливания дождя» нечистые трупы нужно найти и выкопать, а затем сжечь. Этот ритуал называется «*Шао ханьба*» («сжечь *ханьба*»). Такое суеверие особенно было популярно в юго-восточной части провинции Шаньдун. Во время ритуала «сжечь *ханьба*» участники выкрикивают заклинание: «Сожги *ханьба*! Сожги *ханьба*! Мои полевые культуры будут расти, и деревья на моей горе вырастут в ряд! Я хочу получить хороший урожай! Я хочу, чтобы у скота было много приплода! Я хочу, чтобы пришли тучи, пролился дождь, и наступила хорошая погода!» [Дай Юнся 2019: S11] (перевод наш. – Л. Х.).

Засуха часто описана как демон, рожденный обычной женщиной. Согласно фольклорным данным, некоторые женщины могут порождать таких демонов. Если сразу после рождения их не поймать, то они могут улететь и вызвать засуху. Поэтому, прежде всего, чтобы устранить засуху, должны быть сурово наказаны женщины, родившие демонов. На центральных равнинах провинции Шаньдун была засуха, и ходили слухи о том, что одна женщина родила *ханьба*, поэтому все обвинили эту женщину, после чего толпа пришла обливать ее водой [там же].

В юго-западной провинции Шаньдун люди верят в мифическую птицу *шанъян*. Ее другое название – *дуцзуняо*, букв. ‘одноногая птица’. Считается, что *шанъян* может приносить дождь. В уезде Цзюаньчэнсян в округе Хэцзэ во время засухи люди наряжаются птицей *шанъян*: надевают на голову венки из ивовых прутьев, в руках держат две длинные тонкие доски (имитирую-

щие рот птицы), стоят на одной ноге, подпрыгивая, – так они изображают танцующую птицу *шанъян* и призывают дождь [Чу Хун 2019: 25]. По легенде, одноногие птицы *шанъян* жили на восточной границе Китая. У них красные клювы и яркие длинные перья, звуки их голоса похожи на человеческие крики. Они появляются только перед дождями [Шэнь Ин, Чжан Чунгэнь 1998: 51].

В славянском мире виновником засухи могли признать и умершего не своей смертью. Засуха нередко объясняется наказанием за грехи висельника, поэтому «сербки разрезали веревку на мелкие куски и бросали их в воду, чтобы прекратилась засуха» [Толстой 1995: 378]. Причиной засухи может считаться осквернение земли, например, захоронение самоубийцы, утопленника и т. п. Сербь Кордуна считали, что засуха могла быть спровоцирована захоронением покойника, на теле которого остались не развязанными пояс, шнурки на рукавах и штанах, или захоронением необмытого покойника [Толстая 1999: 275].

Случалось, что сербы снимали крест с безымянной могилы, устанавливали его в реке или ручье так, чтобы он простоял до тех пор, пока его не снесет водой. При закреплении креста трижды произносили: «Крест в воду, а дождь на поле! С неведомой могилы крест, с неведомой горы дождь!» (восточная Сербия, Болевац) [там же: 109]. Сербь Косова намеренно хранили воду после обмывания покойника и при засухе вливали ее в воды реки Ибар, чтобы призвать дождь. Кроме того, могла помочь и марля, которую использовали для подвязывания челюсти покойника: в засуху ее относили в поле, там сжигали и говорили: «Нам, Господи, пошли дождик!» [там же].

В восточной Сербии причиной засухи могли считать змея, предводителя туч, опустившегося на округу, – засуха не прекращалась до тех пор, пока он не улетит. Для вызывания дождя совершались специальные ритуалы «изгнания змея» [там же: 276]. В мифологическом нарративе рассказывалось о том, как демон принял облик летающего змея, как его «раскаленное, огненное тело, воцарившись в селе у своей возлюбленной, препятствует появлению дождя» [Плотникова 2000: 253]. Есть сходные свидетельства о том, что «*змај* посещает красивых женщин, а в любовной страсти может забыть о своей роли “подавателя дождя”» ([Плотникова 1998: 160; Зечевић 1993: 259]). Когда долго не было дождя, жители считали, что надо изгнать змея из села. Ночью мужчины собирались и ходили по селу, кричали, шумели, преследовали змея. Говорят, что только после этого начинался дождь [Плотникова 2000: 253].

II. Град

Град в провинции Шаньдун приносит дух града. Он называется *ли-лао* ('господин *Ли*') или *ли-е* ('дед *Ли*'), где *Ли* – его фамилия. Он правит градоносной тучей и воздействует на погоду [Чжоу Лихуа 2018: 98].

Существует множество версий о происхождении названия духа града. Жители в районе Аньцю и Цзаочжуан провинции Шаньдун верят, что он был национальным героем по имени *Ли-Цзочэ*. Он помог генералу Хань-Синь победить врага [там же: 97].

Другое поверье гласит, что «дедушка града» родился в деревне Байцюань, люди знают только его фамилию *Ли*. Однажды внезапно хлынула родниковая вода, затопив почти всю деревню. Чтобы избежать наводнения, *Ли* заслонил родник своим телом, но сам при этом умер. В память о нем люди называли его «*Ли Цзочи*» (букв. '*Ли* сидит в пруду'). Со временем, из-за особенностей местного акцента, «*цзочи*» изменили на «*цзочэ*» [Ду Голян 2011]. В настоящее время «*цзочэ*» стал просто именем духа града.

В районе Цзяочжоу люди в праздник Цинмин (4 апреля) приглашают «деда града» в гости, чтобы он вызвал хорошую погоду. В этот день людям запрещают разводить огонь на кухне, можно есть только «холодную пищу» (т. е. сырую и вчерашнюю), иначе дед *Ли* будет недоволен и вызовет град. Есть поговорка: «Если бы не ели холодную пищу, был бы везде град».

В некоторых районах провинции Шаньдун люди верят, что град чаще всего вызван *туиба-лаоли* (букв. 'господин *Ли* без хвоста'). Его также называют *лаоли* (букв. 'господин *Ли*') или *ли-лун* (букв. 'дракон *Ли*') [Ли Жань 2016: 71]. *Туиба-лаоли* имеет образ получеловека-полудракона, так как он родился от дракона. История, связанная с происхождением *туиба-лаоли*, такова: дракон тайком посещал женщину, потом она родила змея, именно *ли*, который улетел сразу после своего рождения. Но каждое утро он возвращался пить молоко своей матери. Дракон-отец ненавидел своего сына, ножом отрезал ему хвост и прогнал его [Ван Цинань 2010: B02]. *Туиба-лаоли* в облике черного дракона стал защитником северо-востока Китая, там он выполняет функцию «носителя дождя». Говорят, что каждый год он возвращается в провинцию Шаньдун и навещает свою мать, но *туиба-лаоли* мстит отцу, поэтому приносит град, чтобы разрушать полевые угодья отца. До сих пор в провинции Шаньдун существует поверье: когда падает град, люди должны бросить нож в воздух, чтобы таким образом напугать *туиба-лаоли*

и быстро остановить град. Другой вариант сюжета гласит о том, что он приносит с собой град не специально, а потому, что на севере Китая очень холодно.

Хотя *туиба-лаоли* приносит град, люди считают его добрым змеем-драконом. На востоке провинции Шаньдун жители поклоняются ему первого мая: бросают еду в реку, развешивают листья полыни, проводят в честь *туиба-лаоли* праздничные мероприятия. На западе провинции Шаньдун считают, что село Ванхайцзы – родина *туиба-лаоли*, поэтому там построили храм «матери дракона» и молят ее послать дождь, когда случается засуха.

В Сербии в большинстве случаев змеев-драконов (*хала*) представляют злыми, они относятся к сверхъестественным существам. Так, например, у жителей Хомолья сохранилось поверье, что, «когда *алы* на небе дерутся друг с другом, они стреляют градинами, которые падают на землю, и тогда град может уничтожить урожай» [Толстой 1995: 535].

Жители юго-восточной Сербии «в праздник Св. Симеона (11.09) приносят в жертву курицу, чтобы уберечь село от “ламни”, которая водит градовые тучи» [Плотникова 1997: 109]. Люди предпринимали различные магические действия, чтобы устранить или успокоить демонов, отвечающих за градовые тучи. В «Сербском мифологическом словаре» (1970) зафиксирован распространенный обычай: «делать кресты из прутьев орешника (серб. *крст од леда*, букв. 'крест против града') накануне дня Святого Георгия и ставить их на дома и хозяйственные постройки во дворе, в садах и на полях, в загонах для скота, и все это для того, чтобы град не побил посевы. Для защиты от града выносили во двор яйца, хлеб, а также и другие блюда в качестве жертвенного подношения демонам. Кроме того, ходили по деревне с жертвоприношениями животных (ягнят, кур) и отмечали определенные дни и праздники. От града защищались и огнем, выносили и клали перед домом некоторые предметы домашней утвари², когда надвигались градовые тучи, часто и острые металлические инструменты (топор, косу). Таким образом пугали демона-предводителя туч, чтобы тот свернул в сторону и унес град подальше» [Кулишић, Петровић, Пантелић 1970: 104] (перевод наш. – Л. Х.).

В Сербии известны персонажи под именем *змај*, *змеј*, *змајевит човек*, *здува*, *здувач*, которые рождаются от обычной женщины, часто – в «рубашке». Когда они спят, душа покидает их тела, чтобы бороться с «алой» или другими демоническими воздушными существами, приносящими

град, поскольку только «змей-человек» или *зду-хач* может побороть себе подобного, чтобы защищать уголья от града [Плотникова 2004: 224].

В Сербии бытует и другой тип персонажа, управляющего градоносными тучами, но не насылающего град. В западной Сербии (район Шабаца и Поцерина) *градобранитель* – человек со сверхъестественными способностями, умеющий отгонять от села градоносную тучу. *Вжет-ровњак* (Кремна, район Ужице) – человек, управляющий тучами. *Vjetrogonja* (район Смедеревской Паланки, Мионицы и Чачака) – человек или животное, которое может летать в облаках, защищая свое село от града [там же: 662].

Еще один тип сербского персонажа-защитника села от града – уж: «по всей восточной Сербии (Хомолье, Болевац, Алексинац, Ниш, Пирот) распространены поверья об уже, живущем в винограднике и оберегающем его от града». Такой уж называется «смук», его нельзя убивать, потому что он защищает урожай от града; наоборот, его следует поить молоком, «поскольку он борется против “алы”, “аждаи” и других предводителей градоносных туч» [Плотникова 1998: 162; Борђевић 1958: 100–101].

Сербы считали, что причиной градобития может быть работа в «градовые» праздники или погребение на кладбище покойника, умершего не своей смертью, – таких, как правило, закапывали на месте их гибели [Толстой 1995: 535].

Град часто связан с несправедливым покойником. «У сербов в Леваче и Темниче запрещалось проносить через поле висельников или утопленника, “чтобы поле не побил град”. С этой же целью в восточной Сербии перед опусканием гроба в могилу развязывали все узлы, связывающие руки и ноги любого покойного (Болевац)» [там же: 537]. Душа умершего, идущая не к Богу, а остающаяся в облаках, сама обретает демонический характер. В Буджаке, области на крайнем востоке Сербии, люди просили отогнать градоносную тучу и самоубийц, называя их по имени христианского святого Германа: «*Пренеси га Бермане*» [Пантелић 1974: 224].

III. Вихрь

Вихрь в провинции Шаньдун связан с представлениями о злом духе, вредоносном демоне. Отождествление вихря с нечистой силой отражается в наименовании вихря. Есть три названия для вихря: *гуй-сюаньфэн* (букв. ‘черт-вихрь’); *яо-фэн* (букв. ‘демон-вихрь’), *лун-цзюаньфэн* (букв. ‘дракон-вихрь’).

В некоторых районах вихрь считается проявлением души умершего человека и называется *гуй-сюаньфэн*. Если умерший хочет вернуться

домой, чтобы посетить родственников, он может стать вихрем [Лю Цзяньли, Лян Лися 2007: 42]. Иногда этот призрачный вихрь может делать некоторые намеки: например, если вихрь унес рис или одежду, то это означает, что умершие хотят есть или одеться. В большинстве случаев вихрь предвосхищает смерть кого-нибудь, поэтому люди боятся увидеть *гуй-сюаньфэн*. Во время Цинмин, традиционного народного Дня поминовения умерших в Китае, часто появляется *гуй-сюаньфэн*. Если человек подвергался несправедливости при жизни, то после смерти он превратится в гневного чёрта-вихря и будет мстить. Он будет сильно дуть во двор определенной семьи, чтобы вызвать завихрения и неуправляемый хаос. После этого кто-то из членов этой семьи либо заболеет, либо умрет.

Другой вихрь, вызванный демонами в мифологии, называется *яо-фэн*, [Люй Шусян, Дин Шэншу 2016: 1521]. Происхождение *яо-фэн* таково: животные, такие как змеи и лисы, прожившие долгое время и обладающие магическими способностями, могут управлять ветром и передвигаться с помощью вихря. Демон будет прятаться в середине вихря и двигаться вместе с ним. Люди верят, что нельзя преднамеренно преследовать этот вихрь или даже метать в вихрь предметы. Если люди это делали, то они злили демона, и это приводило их к несчастью.

Жители провинции Шаньдун верят, что большой вихрь *лун-цзюаньфэн* представляет собой воплощение дракона. Такой вихрь называется также *лун-гуа* (букв. ‘висячий дракон’) и считается телом дракона. Этот сюжет был зафиксирован во многих мифах: дракон вешает себя на облако, таким образом пьет воду из озера [Жэнь Мэн 2019: 05]. Считается, что вихрь вызывает змей-дракон *цзяолун*. Он переходит через реку, ползет к морю, затем поднимается на небо. Этот путь сопровождает вихрь.

В Сербии причиной возникновения вихря также считают нечистую силу. Души некрещеных детей или умерших не своей смертью «не принимают небо», они блуждают по миру, вызывая сильные ветры, вихри или бурю. В восточной Сербии на Тимоке сельские жители полагали, что души висельников или утопленников отправляются не к Богу, а управляют облаками, так как эти люди «сами себе учинили смерть» [Плотникова 2000: 249]. В экспедиционном материале А. А. Плотниковой из восточной Сербии (Заглавак и Горни Висок) вихрь – закрученный ветер, который следует задобрить. Если он кому-нибудь навредит, то нужно обратиться к духу умершего и побрызгать водой там, где ветер

больше всего разгулялся, при этом говорят так: «Прошу тебя, мать, или брат, сестра, отпустите, отпустите. Если вы матери, будьте матерями, если сестры – сестрами, если братья – братьями» [Плотникова 2004: 113].

В мифологии южных славян балканские персонажи типа «вила» характеризуются тесной связью с ветром или вихрем: они могут в нем рождаться, жить, танцевать и крутиться [Плотникова 2004: 204]. Это последовательно фиксируется в юго-восточной Сербии и в соседних регионах Болгарии. Нередко названия *юда*, *вила* и *самовила* используются как выражения вихря или сильного ветра [там же: 204–205].

IV. Гром и молния

Гром и молния в Шаньдуне вызваны *лэйгуном* (громовник) и *дяньму* (мать молнии). *Лэйгун* «имеет облик человека, разъезжающего в облаках на колеснице и бьющего молотком по двум барабанам» [Рифтин 1988: 82]. *Дяньму* является помощницей *лэйгуна* и отвечает за молнию. *Лэйгун* и *дяньму* всегда появляются вместе. Говорят, что когда они ссорятся, в небе будут гром и молния.

В древности *лэйгуна* представляли как чудовище с человеческой головой и телом дракона; он может греметь, когда стучат по его животу. Кроме того, *лэйгуна* описывают с лицом обезьяны, с узким ртом; такие высказывания постепенно становятся стереотипными. Этот образ соотносится с наименованием «*лэй чжэньцзы*» («удар грома») или «*лэйгун цзуй*» (*лэйгун* с узким ртом). В мифологии есть много историй о *лэйгуне*, который держал в левой руке большой гвоздь, а в правой – большой топор. Удар топором по гвоздю может вызвать молнию и гром [Инь Дэнго 2010: 116].

Согласно традиционным представлениям провинции Шаньдун, *лэйгун* – герой, который сражается с демоном и наказывает его или людей за грехи. Если люди совершают плохие поступки или нарушают клятвы, *лэйгун* будет их убивать с помощью грома и молнии. До сих пор, когда местные жители клянутся, они часто говорят: «Если я нарушу клятву, я буду наказан *лэйгуном*». Жители провинции Шаньдун отмечают день рождения *лэйгуна* 24 июня по лунному календарю. Они желают искоренить зло, избежать бедствий и молиться о благословении.

В самом начале *лэйгун* является повелителем грома и молнии, его также называли «отцом молнии». Позже появился женский мифологический персонаж *дяньму* (помощник или женщина *лэйгуна*), специально отвечающий за молнию. *Дяньму* также называли *шаньдянь-няннань* («боги-

ня молнии»). Образ *дяньму* был уже зафиксирован во времена династии Сун (960–1279 гг.): она летает в длинной юбке, держит обеими руками необыкновенную тарелку. Согласно некоторым локальным легендам она использует бронзовое зеркало как магическое средство [Юань Ли 2002: 164–165].

Существует общеславянское верование, что громовая стрела (гром, молния) – орудие, которое Бог или св. Илья бросают в дьявола [Плотникова 2000: 250]. Аналогичные поверья встречаются и у южных славян. Например, в «Сербском словаре» Вук Караджич пишет: «Когда гремит гром, в народе говорят, что св. Илья, по велению божьему, поражает дьявола [откуда сербская поговорка] *узврдао се као ђаво испред грома* (засуетился, как дьявол перед громом)» [там же: 251; Караџић 1852: 163–164].

У сербов были поверья, связанные с громом. «Сербы Косова Поля хранили обгорелые головешки бадняка на полке у очага для защиты дома от грома и града» [Толстой 1995: 559]. «Сербы и мусульмане в Боснии не жгли черешневое дерево из опасения, что их поразит гром» [там же]. «В ю.-зап. Сербии (Сйеница) убитого громом хоронили на кладбище, но считали, что могила через несколько дней после похорон должна дать трещину, а ночью над ней должен появиться огонек» [там же: 560].

«В сербских песнях говорится о том, что молнию посылает на землю Мария Огненная (сестра Ильи Громовника)» [Белова 2004: 280]. «В день Марии Огненной (17/30 VII) запрещалось работать, чтобы избежать поражения молнией (ю.-слав.)» [там же]. «Во всех славянских традициях известны поверья о том, что в одну из летних ночей (у юж. славян – в канун Ильина дня, у западных – в канун Петрова дня или Купалы) молния <сжигает> орехи» [там же: 281–282].

Причиной грома или грозы в южносербских, восточносербских и западноболгарских областях зачастую считают действия змееподобных персонажей – «аль», «ламии», «змея». По сербским поверьям, на юге Косова *змај* имеет облик женщины с крыльями, которая может летать, вызывать гром и «поедать» человека [Vukanović 1986: 445]. Здесь прослеживается связь с представлениями об *але* и других «прожорливых» женских демонах, вызывающих гром и грозы [Плотникова 2000: 251]. От названия (*х*)*ала*, *ламја*, *аждаја*, происходят дериваты, имеющие обозначения неблагоприятных погодных явлений: в западной Сербии *ала* «сильный ветер» (Рудно), *аждаја* «град, буря» (Сьеницко-Пештерский край), в восточной Сербии *але* «ветер, вихрь» (Доня Каме-

ница, р-н Княжеваца), *але* «облака, тучи» (Горни Висок), *аламуња* «сильный ветер» (Равна Гора, р-н Власотницево), в южной Сербии *аламуња* «вихрь, ураган», *алина* «сильный ветер, непогода», *аламуња* «гром» (Ябланица, р-н Пчини), в Косово – *ала* «солнце во время дождя» [Плотникова 2006: 7–8].

Заключение

Изложенный материал позволяет сделать некоторые выводы о проявлении «непогоды» в народной мифологии китайской провинции Шаньдун и Сербии. Можно суммировать отмеченные типологические сходства и различия в народных представлениях:

1. «Непогода» считается следствием действия мифологических персонажей: в провинции Шаньдун засуха – своего рода след демона *ханьба*; град приносит с собой бесхвостый черный дракон *туиба-лаоли*; *яо-фэн* (вихрь) вызывает демон, происходящий от животного; *лун-цзюаньфэн* (вихрь) является телом дракона, а гром и молнию производят *лэйгун* или *дяньму*. В Сербии засуха вызвана демоном в облике летающего змея (восточная Сербия); *ала* приносит градовые тучи; считается, что вихрь – это «таец» *самовилы* и т. д.

2. В образах мифологических персонажей, вызывающих непогоду, наблюдается в основном змееподобный вид сверхъестественного существа: в провинции Шаньдун *туиба-лаоли* имеет образ получеловека-полудракона; змея превращается в настоящего дракона, и этот процесс сопровождается вихрем; в древности *лэй-гуна* представляли как чудовище с человеческой головой и телом дракона. В Сербии змей-дракон (*х*)*ала*, *ажда*, *ламя* в облике змеи вызывает непогоду (природные катаклизмы).

3. Многие проявления непогоды происходят от «неправильной» смерти (от «заложного» покойника): демоном *ханьба* чаще всего является умерший не своей смертью, его душа превращается в гневного чёрта-вихря и мстит людям; в Сербии засуху может вызвать покойник, который остался в гробу связанным или необмытым; работа в «градовые» праздники или погребение на кладбище покойника, умершего не своей смертью; души некрещеных детей, самоубийц или утопленников вызывают сильные ветры, вихри, бурю.

4. Названия персонажей, связанных с непогодой, включают имена собственные в китайской народной мифологии, чего не наблюдается в сербской традиции. Так, в провинции Шаньдун конструкция ряда наименований происходит от

обозначений ипостаси демонического существа или этиологической легенды о нем: *ханьба* в древности – это женский дух с именем *Ба*; *туиба-лаоли* ведет свое происхождение от сюжета «женщина, забеременевшая от дракона», вследствие чего получает фамилию *Ли*.

Примечания

¹ Например, статьи «Вызывание дождя в Полесье», «Защита от града в Драгачеве и других сербских зонах».

² Предметы, связанные с очагом: кочергу для печи, лопатку для сбора пепла и под.

Список литературы

Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. М.: Индрик, 1994. Т. 1. 800 с.; Т. 2. 784 с.; Т. 3. 840 с.

Белова О. В. Молния // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 280–282.

Журавлев А. Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М.: Индрик, 2005. 1004 с.

Плотникова А. А. LAMIA в балканских традициях этнографического настоящего // Балканские чтения 4: ELLAS Древняя, средняя, новая Греция. Тезисы и материалы. М., 1997. С. 108–110.

Плотникова А. А. Фрагмент балканославянской народной демонологии: борьба воздушных демонов // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. М.: Индрик. 1998. Т. 2. С. 158–169.

Плотникова А. А. Мифология атмосферных и небесных явлений у балканских славян // Славянский и балканский фольклор: Народная демонология. М.: Индрик, 2000. С. 243–258.

Плотникова А. А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. 768 с.

Плотникова А. А. Семантические и культурные балканизмы в этнолингвистическом аспекте // Исследования по славянской диалектологии: Ареальные аспекты изучения славянской лексики. М., 2006. Вып. 12. С. 7–19.

Плотникова А. А. Сербская народная мифология в ареальном аспекте // Славяноведение. 2020. № 6. С. 15–27.

Потебня А. А. Мысль и язык. М.: Типография Адольфа Дарре, 1892. 228 с.

Рифтин Б. Л. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. 2-е изд. / под ред. С. А. Токарева. М.: Советская энциклопедия, 1988. Т. 2. 719 с.

- Толстая С. М. Дождь. Засуха. Метеорология народная // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 106–111; 275–276. 2004. Т. 3. С. 248–252.
- Толстая С. М. Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 2010. 368 с.
- Толстой Н. И. Висельник. Град. Гром // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М., 1995. Т. 1. С. 377–379; 535–537; 558–560.
- Толстой Н. И. Очерки славянского язычества. М.: Индрик, 2003. 624 с.
- Толстой Н. И., Толстая С. М. К реконструкции древнеславянской духовной культуры (лингво- и этнографический аспект) // Славянское языкознание. М.: Наука, 1978. С. 364–385.
- Ђорђевић Т. Природа у веровању и предању нашега народа // Српски етнографски зборник. 1958. LXXI. Књ. 1. С. 3–319.
- Зечевић С. Нека Веровања из традиције становништва приобалних насеља Доњег Дунава // Гласник етнографског музеја у Београду. 1993. Књ. 57. С. 257–273.
- Караџић В. С. Српски рјечник. Београд. 1852. 862 с.
- Кулишић Ш., Петровић П. Ж., Пантелић Н. Српски митолошки речник. Београд: Нолит, 1970. 328 с.
- Пантелић Н. Етнолошка грађа из Буцака // Гласник етнографског музеја у Београду. 1974. Књ. 37. С. 210–237.
- Vukanović T. Srbi na Kosovu. Vranje: Nova Jugoslavija, 1986. Т. 2. 549 с.
- Ван Сюэдянь 2007 – 王学典. 山海经. 哈尔滨: 哈尔滨出版社. 2007年. 共 266 页. [Ван Сюэдянь. Шань хай ицзин (книга гор и морей). Харбин: Хаэрбинь чубаньшэ, 2007. 266 с.].
- Ван Цинань 2010 – 王庆安. 秃尾巴老李在山东 // 齐鲁晚报, 2010年10月21日. [Ван Цинань. Туибалаоли цзай шаньдун. (Дракон Лаоли без хвоста в провинции Шаньдун) // Цзинань: вечерняя газета «Цилуваньбао». 2010. 21 октября].
- Дай Юнся 2019 – 戴永夏. 旱灾与“旱魃” // 齐鲁晚报, 2019年7月8日. [Дай Юнся. Ханьцзай юй ханьба. (Засуха и демон ханьба) // Вечерняя газета «Цилуваньбао». 2019. 8 июля].
- Инь Дэньго 2010 – 殷登国. 二月惊蛰谈雷神 – 雷公信仰与雷击的怪诞传说 // 紫禁城. 2010年. № 3, 第 116–119 页. [Инь Дэньго. Эрьюе цзинчжэ тань лэйшэнь – лэйгун синьян юй лэйцзи дэ гуайдань чуаньшо (Вера в Лейгун и странная легенда о ударе молнии в день Цзинчжэ февраля) // Цзыцзиньчэнь (журнал: Пурпуровый запретный дворец). 2010. № 3. С. 116–119].
- Ли Жань 2016 – 李然. 山东秃尾巴老李的传说与信仰研究. 济南: 山东人民出版社. 2016年. 共 188 页. [Ли Жань. Шаньдун туибалаоли дэ чуаньшо юй синьян яньцзю. (Легенда и исследование веры о Туиба-лаоли в провинции Шаньдун). Цзинань: Шаньдун жэньминь чубаньшэ. 2016. 188 с.].
- Ду Голян 2011 – 都国良. 李左车的传说. 访问时间: 2021年03月25日. [Ду Голян. Лицзочэ дэ чжуаньшо. (Легенда о Ли Цзочэ). URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_3e72f6950100togz.html (дата обращения: 25.03.2021)].
- Лю Цзяньли, Лян Лися 2007 – 刘建利, 梁黎霞. “鬼风”是怎么一回事? // 农家参谋. 2007年. № 10, 第 42–43 页. [Лю Цзяньли, Лян Лися. “Гуйфэн” ши цзэньмэ ихуйши? (Что такое «Призрачный ветер»?) // Нунцзя цаньмоу (журнал: Руководство по сельскому хозяйству). 2007. № 10. С. 42–43].
- Люй Шусян, Дин Шэньшу 2016 – 吕叔湘, 丁声树. 现代汉语词典. 北京: 商务印书馆. 第七版. 2016年. 共 1800 页. [Люй Шусян, Дин Шэньшу. Сяньдай ханьюй цыдянь (Современный словарь китайского языка). Пекин: Шануиньшугуань. 7-е изд. 2016. 1800 с.].
- Жэнь Мэн 2019 – 任蒙. 再谈龙文化的起源 // 检察日报, 2019年06月28日. [Жэнь Мэн. Цзайтань лунвэньхуа дэ циюань (Снова поговорим о происхождении культуры драконов) // Ежедневная газета «Цзяньчажибао». 2019. 28 июня].
- Чжоу Лихуа 2018 – 周丽华. 嵩泉大庙 (膏润庙) 历史文化价值综述 // 中国民族博览. 2018年. № 9, 第 96–98 页 [Чжоу Лихуа. Баоцюань дамяо (Жуньгаомяо) лиши вэньхуа цзячжи цзуншу (Краткое изложение исторической и культурной ценности храма Баоцюань (храм Жуньгао) // Чжунго миньцзу болань (журнал: Китайская национальная выставка). 2018. № 9. С. 96–98].
- Чу Хун 2019 – 褚红. 山东菏泽鄆城“商羊舞”的重建研究. 硕士学位论文: 中央民族大学. 2019年. [Чу Хун. Шаньдун хэцзэ цзюаньчэнь шаняну дэ чунцзянь яньцзю (Реконструкция «Танца Шаньян» в Цзюаньчэне районы Хэцзэ провинции Шаньдун): магистерская диссертация. Центральный национальный университет, 2019].
- Чэнь Цзе 2002 – 陈节. 诗经. 广州: 花城出版社. 2002年. 共 544 页 [Чэнь Цзе. Ши цзин. (Книга песен). Гуанчжоу: Хуачэн чубаньшэ, 2002. 544 с.].

Шэнь Инь, Чжан Чунгэн 1998 – 沈莹, 张崇根. 临海水土志. 北京: 中央民族大学出版社. 1998 年. 共 146 页 [Шэнь Инь, Чжан Чунгэн. Линьхай Шуйту Чжи (Записи приморских воды и земли). Пекин: Чжунян миньцзу дасюэ чубаньшэ, 1998. 146 с.].

Юань Ли 2002 – 苑利. 华北地区龙王庙配祀神祇考略 // 西北民族研究. 2002 年. № 2, 第 158-168 页 [Юань Ли. Хуабэй дицюй лунванмяо пэйсы шэньди каолюэ (Изучение божеств, которым поклоняются в храме Лунванмяо в Северном Китае) // Сибэй миньцзу яньцзю (журнал: Северо-Западные этнические исследования). 2002. № 2. С. 158–168].

Юань Мэй, Лу Хаймин 2012 – 袁枚, 陆海明. 子不语. 上海: 上海古籍出版社. 2012 年. 共 698 页 [Юань Мэй, Лу Хаймин. Цзы Буюй (Странные вещи). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2012. 698 с.].

References

Afanasiev A. N. *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu* [The Slavs' Poetic Views of Nature]. In three vols. Moscow, Indrik Publ., 1994, vol. 1, 800 p.; vol. 2, 784 p.; vol. 3. 840 p. (In Russ.)

Belova O. V. Molniya [Lightning]. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheski slovar* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. In 5 vols. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, International Relations Publishing House, 2004, vol. 3, pp. 280–282. (In Russ.)

Zhuravlev A. F. *Yazyk i mif. Lingvisticheskiy kommentariy k trudu A. N. Afanas'eva 'Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu'* [Language and Myth. Linguistic Commentary on the Work 'The Slavs' Poetic Views of Nature' by A. N. Afanasiev]. Moscow, Indrik Publ., 2005. 1004 p. (In Russ.)

Plotnikova A. A. LAMIA v balkanskikh traditsiyakh etnograficheskogo nastoyashchego [LAMIA in the Balkan traditions of the ethnographic present]. *Balkanskije chteniya 4: ELLAS Drevnyaya, srednyaya, novaya Gretsiya. Tezisy i materialy* [Balkan Readings: ELLAS Ancient, Middle, New Greece. Theses and materials]. Moscow, 1997, pp. 108–110. (In Russ.)

Plotnikova A. A. Fragment balkanoslavyanskoy narodnoy demonologii: bor'ba vozduzhnykh demonov [A Fragment of Balkan Slavic folk demonology: the Struggle of air demons]. *Slovo i kul'tura. Pamyati Nikity Il'icha Tolstogo* [The Word and Culture. In memory of Nikita Il'ich Tolstoy]. Moscow, Indrik Publ., 1998, vol. 2, pp. 158–169. (In Russ.)

Plotnikova A. A. Mifologiya atmosferykh i nebesnykh yavlenii u balkanskikh slavyan [Mythology

of atmospheric and celestial phenomena among the Balkan Slavs]. *Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor: Narodnaya demonologiya*. [Slavic and Balkan Folklore: Folk Demonology]. Moscow, Indrik Publ., 2000, pp. 243–258. (In Russ.)

Plotnikova A. A. *Etnolingvisticheskaya geografiya Yuzhnoy Slavii*. [Ethnolinguistic Geography of South Slavia]. Moscow, Indrik Publ., 2004. 768 p. (In Russ.)

Plotnikova A. A. Semanticheskie i kul'turnye balkanizmy v etnolingvisticheskom aspekte [Semantic and cultural Balkanisms in the ethnolinguistic aspect]. *Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii: Areal'nye aspekty izucheniya slavyanskoy leksiki* [Studies in Slavic Dialectology: Areal Aspects of the Study of Slavic Vocabulary]. Moscow, 2006, issue 12, pp. 7–19. (In Russ.)

Plotnikova A. A. Serbskaya narodnaya mifologiya v areal'nom aspekte [Serbian folk mythology in the areal aspect]. *Slavianovedenie* [Slavic Studies], 2020, issue 6, pp. 15–27. (In Russ.)

Potebnya A. A. *Mysl' i yazyk* [Thought and Language]. Moscow, Publishing House of Adolf Darre, 1892. 228 p. (In Russ.)

Riftin B. L. *Mify narodov mira. Entsiklopediya v dvukh tomakh* [National Myths of the World. Encyclopedia in 2 vols.]. Ed. by S. A. Tokarev. 2nd ed. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1982, vol. 2. 719 p. (In Russ.)

Tolstaya S. M. Dozhd'. Zasukha. Meteorologiya narodnaya [Rain. Drought. Folk meteorology]. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheski slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. In 5 vols. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, 1999, vol. 2, pp. 106–111, 275–276; 2004, vol. 3, pp. 248–252. (In Russ.)

Tolstaya S. M. *Semanticheskie kategorii yazyka kul'tury: Ocherki po slavyanskoy etnolingvistike* [Semantic Categories of the Language of Culture: Essays on Slavic Ethnolinguistics]. Moscow, LIBROKOV Publ., 2010. 368 p. (In Russ.)

Tolstoy N. I. Visel'nik. Grad. Grom [Hangman. Hail. Thunder]. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheski slovar'*. [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. In 5 vols. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, 1995, vol. 1. pp. 377–379, 535–537, 558–560. (In Russ.)

Tolstoy N. I. *Ocherki slavyanskogo yazychestva* [Essays on Slavic Paganism]. Moscow, Indrik Publ., 2003. 624 p. (In Russ.)

Tolstoy N. I., Tolstaya S. M. K rekonstruktsii drevneslavyanskoy dukhovnoy kul'tury (lingvo- i etnograficheskiy aspekt) [On the reconstruction of Old Slavic spiritual culture (linguistic and ethno-

graphic aspect)]. *Slavyanskoe yazykoznanie* [Slavic Linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 364–385. (In Russ.)

Dorđević T. Priroda u verovanji i predanji nash-ega naroda [Nature in the beliefs and traditions of our people]. *Srpski etnografski zbornik* [Serbian Ethnographic Collection]. 1958, LXXI, book 1. (In Serb.)

Zečević C. Neka verovanja iz tradicije stanovništva priobalnih naselja Donjeg Dunava [Some beliefs from the tradition of the population of the Lower Danube settlements]. *Glasnik etnografskog muzeja u Beogradu* [Bulletin of the Ethnographic Museum in Belgrade], 1993, issue 57, pp. 257–273. [In Serb.]

Karadžić V. S. *Srpski rječnik* [Serbian Dictionary]. Belgrade, 1852. 862 p. [In Serb., Bulg.]

Kulišić Š., Petrović P.Ž., Pantelić N. *Srpski mitološki rečnik* [Serbian Mythological Dictionary]. Belgrade, Nolit Publ., 1970. 328 p. [In Serb.]

Pantelić N. Etnološka građa iz Budžaka [Ethnological material from Budjak region]. *Glasnik etnografskog muzeja u Beogradu* [Bulletin of the Ethnographic Museum in Belgrade], 1974, issue 37, pp. 210–237. [In Serb.]

Vukanović T. *Srbi na Kosovu* [Serbs in Kosovo]. Vranje, Nova Jugoslavija Publ., 1986, vol. 2. 549 p. [In Serb.]

Wang Xuedian. *Shanhaijing* [The Book of the Mountain and Sea]. Harbin, Haerbin chubanshe Publ., 2007. 266 p. [In Chin.]

Wang Qingan. Tuyibalaoli zai Shandong [Bald-tailed dragon 'Tuyibalaoli' in Shandong province]. *Qiluwanbao* [Evening Newspaper in Shandong province]. October 21, 2010. [In Chin.]

Dai Yongxia. Hanzai yu 'Hanba' [Drought and demon 'Hanba']. *Qilu wanbao* [Evening Newspaper in Shandong Province]. July 8, 2019. [In Chin.]

Yin Dengguo. Eryue jingzhe tan leishen – leigong xinyang yu leiji de guaidan chuanshuo [Speaking about Thunder God in day insects awakening in February – The belief in Thunder God and the weird legend of Thunder Strike]. *Zijin Cheng* [The Forbidden City], 2010, issue 3, pp. 116–119. [In Chin.]

Li Ran. *Shandong Tuyibalaoli de chuanshuo yu xinyang yanjiu* [Research on the Legend and Belief in Bald-Tailed Dragon 'Tuyibalaoli']. Jinan, Shandong renmin chubanshe Publ., 2015. 188 p. [In Chin.]

Du Guoliang. *Lizuoche de chuanshuo* [The Legend of Li Zuoche]. Available at: http://blog.sina.com.cn/s/blog_3e72f6950100togz.html (accessed 25.03.2021). [In Chin.]

Liu Jianli, Liang Lixia. 'Guifeng' shi zenme yihuishi? [What is the ghost wind?]. *Nongjia canmou* [Farm Staff], 2007, issue 10, pp. 42–43. [In Chin.]

Lu Shuxiang, Ding Shengshu. *Xiandai hanyu cidian* [Modern Chinese Dictionary]. 7th ed. Beijing, Shangwu yinshuguan Publ., 2016. 1800 p. [In Chin.]

Ren Meng. Zaitan longwenhua de qiyan [Speaking about the origins of dragon culture again]. *Jiancha ribao*, 2019. June 28. [In Chin.]

Zhou Lihua. Baoquan damiao lishi wenhua jiazhi zongshu. [A summary of the historical and cultural value of Haiquan Temple (Gaorun Temple)]. *Zhongguo minzu bolan* [China National Expo], 2018, issue 9, pp. 96–98. [In Chin.]

Chu Hong. *Shandong heze juancheng shangyangwu de chongjian yanjiu* [Reconstruction of 'Shangyang Dance' in Juancheng, district Heze, province Shandong. Master's degree thesis]. Central University for Nationalities, 2019. [In Chin.]

Chen Jie. *Shijing* [The Book of Songs]. Guangzhou, Huacheng chubanshe Publ., 2002. 544 p. [In Chin.]

Shen Ying, Zhang Chonggen. *Linhai shuitu zhi* [Recording of Seaside Water and Soil]. Beijing, Zhongguo minzu daxue Publ., 1998. 146 p. [In Chin.]

Yuan Li. Huabei diqu longwangmiao peisi shendi kaolue [A study of deities worshiped in the Longwang Temple in North China]. *Xibeiminzu yanjiu* [Northwestern Ethnic Studies], 2002, issue 2, pp. 158–168. [In Chin.]

Yuan Mei, Lu Haiming. *Zibuyu* [Strange Things]. Shanghai, Shanghai guji chubanshe Publ., 2012. 698 p. [In Chin.]

Images of ‘Bad Weather’ in the Folk Mythology of Asia and Europe (Based on Chinese and Serbian Traditions)

Liu Hu

Postgraduate Student in the Department of Ethnolinguistics and Folklore

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

32-A, Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russian Federation. liu.hu@mail.ru

SPIN-code: 4545-4837

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1662-098X>

ResearcherID: AAJ-8387-2021

Received 26.03.2021

Revised 08.09.2021

Accepted 29.09.2021

For citation

Liu Hu. *Obrazy nepogody v narodnoy mifologii Azii i Evropy (na materiale kitayskoy i serbskoy traditsiy)* [Images of ‘Bad Weather’ in the Folk Mythology of Asia and Europe (Based on Chinese and Serbian Traditions)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 4, pp. 52–62. doi 10.17072/2073-6681-2021-4-52-62 (In Russ.)

Abstract. The article deals with mythological characters that represent ‘bad weather’ phenomena such as drought, hail, whirlwind, thunder, and lightning. Folk ‘lower’ mythology pays much attention to the manifestations of bad weather, which reflects the understanding of nature by man. Many ancient Chinese myths and legends originated in Shandong province, where numerous meteorological mythological motives were created. At that time, human life depended on weather, therefore a lot of folklore rich in meteorological mythological motives and imagery was created. The representations of bad weather in Shandong province studied in the paper are based on Chinese literature related to ancient mythology. As to Serbian culture, it has accumulated the beliefs of various ethnic groups of the Balkans. The Serbian cultural and linguistic space has strong ties with adjacent folk traditions – Bulgarian, Montenegrin, Bosnian, Herzegovinian, etc. Accordingly, Serbian mythology reflects the culture of the Balkan Slavs. The article analyzes common and individual features in mythologies concerning unfavorable weather conditions in Shandong and Serbia. The etymology of the names, myths and legends associated with the characters personifying ‘bad weather’ phenomena is investigated. The connection with local rituals, customs and ethnoculture of Shandong province and Serbia is indicated. The study is based on the methods of the Moscow ethnolinguistic school and the materials presented in the ethnolinguistic dictionary *Slavic Antiquities*. The paper discusses the isofunctionality of the Chinese and Serbian mythology of bad weather. The purpose of this study is to supplement the cultural and linguistic picture of bad weather phenomena through involving data from two unrelated cultures at the level of mythological memory.

Key words: bad weather; mythology; ethnolinguistics; Shandong province; Serbia.